

РАЗДЕЛ II.

**МИФ Δ ФОЛЬКЛОР Δ ЭТНОПОЭТИКА:
ПО ЗАКОНУ ПАМЯТИ**

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

Ухова И.В., Минск, Беларусь

КИКИМОРА – МИФОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

Ключевые слова: восточнославянская мифология, домовые духи в поверьях белорусов, русских, украинцев, облик кикиморы, функции кикиморы, способы защиты от кикиморы, образ кикиморы в художественной литературе.

Ukhova Irena Vladimirovna, Minsk, Belarus

KIKIMORA AS A MYTHOLOGICAL AND LITERARY CHARACTER

Keywords: Eastern mythology, brownies in popular beliefs of Belarusians, Russians, Ukrainians, the appearance of kikumora, kikumora's functions, methods of protection against kikumoras, the image of kikumora in literature

Современный интерес публики к народным верованиям и их персонажам имеет смешанное происхождение. Частью он объясняется информационным голодом прошлых лет (30-80 гг. XX в.), когда знания в этой области были недоступны. Определенную роль играют национальные, иногда – националистические чувства, настойчивые поиски крепких корней, стремление приобщиться к традиции. Сказывается и исторически обусловленная дезориентированность общества в вопросах веры, широкие и несколько беспорядочные поиски сакральных целей. Имеется даже экономическая составляющая, понуждающая разные города «прописывать» у себя персонажей народной мифологии, чтобы увеличить брендовую привлекательность региона – как поступили, например, власти Кирова, объявив его родиной Кикиморы [1, 3].

Кикимора – восточнославянский женский дух дома, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям. Считается, что кикиморы – духи немногочисленные и не особенно опасные, а по восточно-белорусским понятиям – и вовсе «положительно безвредные, хотя и засылаются в людские дома с враждебной целью» [2, 47]; «девки-невидимки, заговоренные кудесниками и жи-

вущие в домах, почти как домовые» [3, 50]. По народным поверьям, кикиморами становятся младенцы, умершие некрещеными, дочери, проклятые родителями, и дети, родившиеся от связи женщин с нечистой силой [4, 263]. Поселяются кикиморы в домах, которые стоят на плохом месте, – там, где произошло детоубийство, был зарыт самоубийца или неотпетый покойник, похоронено тело некрещеного ребенка. Могут быть кикиморы также «напущены» при строительстве дома плотниками или печниками, которым не заплатили достаточно за их труд [3, 50], а также колдунами [5, 70].

Чаще всего кикиморы представляются «малютками, у которых голова – с наперсток, а туловище – тонкое, как соломинка» [6, 70], или в виде скрюченной, неряшливой старушки – «она так мала и суха, что не выходит на улицу, боясь быть унесенной ветром» [7, 119]. Белорусы представляли кикимор в виде маленьких девочек, «младенчески юных существ исключительно женского пола» [2, 47]. Зооморфные признаки у этого в целом антропоморфного персонажа довольно редки – «козьи рожки и глаза на выкате» [8, 37]. Живет кикимора в доме, предпочитая темные и сырые места, но любимое место ее – «в правом углу, возле самой печи, куда сметают сор, чтобы... не выносить его из избы на ветер» [8, 35]. На севере России – и в бане, «где она, кикимора, никому уже не даст спокойно помыться: начнет пугать разными голосами» [5, 70].

Кикимора – женский домашний дух. Об этом свидетельствует ее основное занятие – рукоделие. Она прядет, ткет, шьет, плетет кружева с упорством и старанием настоящей хозяйки. Но делает это неловко, неумело, неаккуратно и как-то не по-людски: например, при прядении сучит нить справа налево, а не наоборот. Кикимора не столько делает работу, сколько ее портит. Она рвет, мусолит шерсть, жжет кудель, путает нитки; швы у нее «кривые и неуместные», выпряденные нитки неровные [2, 47]. «От кикиморы не дождешься рубахи» – гласит русская поговорка. Впрочем, белорусские источники утверждают, что происходит это не по злomu умыслу, а по малолетству, «за незнанием работы»: ведь трудятся кикиморы старательно, с большим желанием «угодить ласковой матери или ее дочери» [2, 47]. Потому «укоры, замечания, даже брань», которые они слышат поутру от хозяек, очень огорчают

«бедных кикимор» [2, 47]. Как и другие духи, кикимора невидима – изредка покажется в лунные ночи за самопрялкой или шитьем. На белый свет она выходит всего несколько раз в году – 1 марта, в свои именины, 15 декабря, когда от нее приходится защищать курятники, и 17 марта, когда кикимору выживают из дома заговорами – считалось, что тогда они «делаются смирными и ручными и только в этот день можно их уничтожать» [4, 262]. Все святки кикиморы шалют, особенно в ночь перед Рождеством. Известно также, что «кикиморы о святках, в ненастную погоду, рожают детей, причем страшно стонут и воют. Новорожденные же их, тотчас по появлении на свет, вылетают из избы через трубу на улицу, где и живут до Крещенья» [8, 37].

Присутствие в жилище кикиморы – в отличие от домового – всегда расценивалось у славян как признак того, что в доме неблагополучно, нечисто, и проявлялось в мелких пакостях, наносящих ущерб хозяйству. Она кидается луковицами из подполья, а с печи – подушками, выдергивает волосы у хозяйки и перья у кур, беспокоит по ночам шумом – гремит посудой, звенит чашками, бьет горшки и плошки, ходит всю ночь, сильно стуча ногами [8, 35]. Белорусские кикиморы, впрочем, благодаря своему юному возрасту, часто забывают о необходимости вредительства, «заигрываются и досаждают жильцам разве одной возней, ... немощным писком и визгом» [2, 47]. Кикимора может предсказывать будущее: отвечает стуком на заданные вопросы, плачет и громко стучит коклюшками перед бедой, а перед смертью кого-либо из семьи показывается на пороге дома или садится пряхь на лавке в переднем углу. Пророческий характер имеет прядение кикиморы на Святках – в те 12 дней от Рождества до Крещенья, которые определяют ход всего будущего года. Кикимора здесь, подобно паркам или мойрам, выступает как персонификация рока, судьбы, суча и свивая «нити судеб дома и его обитателей» [9, 175].

В некоторых проявлениях кикимора сближается с домовым, представляясь в качестве хранительницы дома и покровительницы старательных хозяек: она «убаюкивает по ночам маленьких ребят, невидимо перебивает кринки, ... при ее содействии и тесто взойдет, и пироги будут хорошо выпечены и пр. Наоборот, ленивых

баб кикимора ненавидит: щекочет малых ребят,... пугает подростков... и вообще всячески вредит» [8, 36-37]. «Кого невзлюбит – из той избы всех выгонит» [8, 35]. Власть кикиморы, как и у домового, распространяется не только на дом, но и на усадебные строения. В курятниках она пугает кур, выщипывает им перья, насыплет на них «вертун», от которого они падают околевшими, хищнически стрижет овец в хлеву и даже ездит на конях, загоняя их. Защита от вредоносных действий кикиморы в курятнике и хлеву обеспечивается при помощи подвешиваемого там оберега, называемого славянами «куриный бог» или «кикимора одноглазый» – камня со сквозной дырой посередине (его может заменить отбитое горло кувшина или даже дырявый лапоть). Помимо этого, кикимора боится можжевельника, папоротника, верблюжьей шерсти, положенной под шесток, грубой брани.

В письменной литературе образ кикиморы впервые появляется в «Повести душеполезной старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке» – нравоучительном сочинении середины XVII века. Здесь она предстает не в традиционном облике домашнего духа, а как воплощение болезни, мора – «язвы-прострела». Несмотря на столь мрачную роль, ее облик и поведение сохраняют связь с фольклорным прообразом: «вид некий бесовский, женское обличие имущий, простоволосый и без пояса». Кикимора ведет себя беспокойно, шумит, «вопиет, велми кричаще, яко обидима или досаждаема от кого». Это описание кикиморы – «едва ли не единственное в древнерусской литературе изображение этого мифологического персонажа» [10, 14]. Позже в художественной литературе образ кикиморы встречается, главным образом, в повествованиях, основанных на народных поверьях, и в литературных сказках: в повести О. Сомова «Кикимора. Рассказ русского крестьянина на большой дороге», 1829, рассказе Н. Лескова «Пугало», 1885, в сказках А. Ремизова («Кикимора», цикл «Посолонь», 1903), и А. Толстого («Кикимора», цикл «Русалочьи сказки», 1910). В них кикимора предстает в качестве домового духа, хозяйствующего в жилище незримо для большинства домочадцев. Видеть ее способны лишь дети, причем обычно только девочки (О. Сомов, А. Толстой). Невидимость кикиморы объясняется также ее харак-

тером: она «была так застенчива и непостоянна, что пряталась от всякого взгляда в разных пыльных заметах – то в риге, то в овине, то на токе» (Н. Лесков). Пока хозяева кикимору не беспокоят и обращаются с ней по-доброму, она всячески усердствует в своей хозяйственной деятельности: «старуха не раз слыхала по ночам, как вертится веретено и нитка жужжит в потемках; а утром посмотрит – у нее пряжи прибавилось вдвое против вчерашнего» (О. Сомов). Но стоит кикимору раздражить, попытаться от нее избавиться, как «она стала по ночам всякие проказы делать»: «То вдруг загремит и затрещит на потолке...; то впотьмах подкатится клубом кому-либо из семьян под ноги...; то, когда все уснут, ходит по избе, урчит, ревет и сопит...; то середь ночи запрыгает по полу синими огоньками» (О. Сомов). Помимо мелких неудобств, способна кикимора и на серьезный вред: по ночам она «крадет детей, а в люльку подкладывает вместо них полено» (А. Толстой).

Мало кто из хозяев согласен долго мириться с присутствием в доме кикиморы: «хотя не видели от нее никакого зла, а все только доброе, однако же, как люди набожные, не хотели терпеть у себя в дому никакой нечисти» (О. Сомов). Из практических и религиозных соображений от кикиморы приходилось избавляться. Обряд выживания из дома кикиморы описан у О. Сомова, и его изложение настолько подробно, что данный отрывок вполне может рассматриваться как практическое руководство по отгонной магии: «Ровно в полдень запрягите вы дровни ...четом, да не парой...: корову в корень, а лошадь в пристяжку. ... Подведите дровни вплоть к сеням; расстелите на дровнях шубу шерстью вверх. Возьмите старую метлу, метите ею в избе, в светлице, в сенях, на потолке под крышей». Обойдя дом три раза, везите дровни с тем, что удалось наместить, прочь со двора, в лес. И там все оставьте: «и дровни, и шубу» (и, надо полагать, саму кикимору). «Увидите, что с этой поры вашего врага и в помине больше не будет», – оптимистически обещает автор.

Облик кикиморы в рассказах и сказках обычно антропоморфный – лишь у О. Сомова она оборачивается в «превеликую и претолстую кошку, крупнее самого ражего барана, серую, с мелкими белыми крапинками, с большой уродливой головой» (О. Сомов).

Внешность кикиморы в представлениях авторов варьируется от вполне обычной «лохматой бабы», говорящей «густым голосом» у А. Толстого, или сидящего в пыли толчейного амбара болезненного существа у Н. Лескова: «она была неумытая, в пыльном повойнике и с золотушными глазами» – до странного и причудливого персонажа у А. Ремизова: «На петушке ворот, крутя курносый носом, с ужимкою крещенской маски, затайливо кикимора уселась и чистит бережно свое копытце» (А. Ремизов). В состоянии возбуждения персонаж этот чрезвычайно подвижен и шумен: «Мчится вдогонку кикимора, визжит, на сажень кверху подсигивает» (А. Толстой); «Вся затряслась кикимора, заколебалась, от хохота за тощие животики схватилась... И только пятки тонкие сверкнули за поле в лес» (А. Ремизов). Сублильным сложением, своими ужимками и прыжками, зловредными шутками, заливи́стым хохотом и визгом, кикимора несколько напоминает никогда не взрослеющего бесцеремонного проказника-подростка.

В литературном образе кикиморы мало неожиданного. У всех авторов ясно ощутима опора на подлинные народные поверья. Только у А. Ремизова она вуалируется затайливо-сказовой манерой изложения, украшается авторскими фантастическими и гротескными деталями. Суеверный рассказ претворяется в мифологическую идеализацию, в которой поведение кикиморы несерьезно, а функции необременительны: «сплестать обманы, причуды сеять и до умору хохотать» (А. Ремизов). Для Н. Лескова и О. Сомова первостепенную ценность составляет именно сама фольклорная основа – и смысл повествования состоит в максимальном сохранении ее для читателя. Позиция А. Толстого находится между этими крайними представлениями: его кикимора сочетает фольклорные детали внешности и традиционно приписываемые ей функции с авторскими поэтическими подробностями: «Осунулась кикимора, остановилась и разлилась туманом, подхватил ее утренний ветер, унес за овраг» (А. Толстой).

В отличие от художественной прозы, в поэзии кикиморе повезло меньше: здесь ее образ встречается редко, достаиваясь лишь упоминания: «в куту кикиморой незримой сидел он часто на печи» (Г. Державин, «Новгородский волхв Злогор», 1813), или

воспроизводится весьма произвольно и недостоверно. Так, у В. Кюхельбекера в 1 части драмы «Ижорский» (1826) есть «шишимора» и «кикимора» – существа мужского рода, крошечного размера и необыкновенной легкости. Кикимора – витязь в «шеломе из колокольчика», плаще из «листка багрового мака» и доспехах из панциря рака; он мяукает котом и летает на стрекозе – «он витязь, он наездник славный», «его блаженство шум и гром». Шишимора летает «на большом листе капусты», как на ковче-самолете, высасывает кровь из мух, он – «хитрый кознодей», «наушник злых старух» и «со всякой ведьмой ладит». В обрисовке этих весьма живописных персонажей нет фольклорной достоверности, нет и славянского колорита: перед нами слегка русифицированные – доспехами из рака и капустным листом – эльфы. В предисловии к «Ижорскому» В. Кюхельбекер пишет: «Мифологических существ, составляющих в нашей драме чудесное ..., много; но мы, воспользовавшись ими, хотели указать на богатство, которое поэту представляет романтическая мифология вообще, а русская в особенности» [11, 751]. Это многообразие «мифологических существ», кажется, слегка дезориентировало автора – мифологическое правдоподобие его «героев» весьма поверхностно. Несомненно, что главной любовью автора всегда были и остались все-таки «шекспировы духи» [12] из «Сна в летнюю ночь», которых он сравнивал с домовыми духами – но без ясного понимания их отличий.

¹ Кудреватых, П. Закон «О вятской Кикиморе» // Вятский край. 2012. 17 марта.

² Никифоровский Н.Я. Нечистики, свод прстонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Витебск: Н.А. Паньков, 1995. 85 с.

³ Даль В. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.: Литера, 1996. 480 с.

⁴ Сахаров И.П. Русское народное чернокнижие. СПб.: Литера, 1997. 416 с.

⁵ Иваницкий Н. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 3-74.

⁶ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т.3. 416 с.

⁷ *Круглый год: Русский земледельческий календарь / сост. А.Ф. Некрылова. М.: Правда, 1991. 496 с.*

⁸ *Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Terra, 1996. 272 с.*

⁹ *Власова М. Новая Абевега русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.*

¹⁰ *Пигин А.В. Кикимора в изображении русского книжника XVII в. // Живая старина. 2003. № 1. С. 13-14.*

¹¹ *Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: в 2 т. М.-Л.: Сов. писатель, 1967. Т. 2. 787 с.*

¹² *Так называлась пьеса В. Кюхельбекера, написанная в 1825 году*

Морозов И.В., Минск, Беларусь

ИНТРОКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ, ИЛИ СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ ВИТЬСЯ

Ключевые слова: межкультурный, интракультурный диалог, скороговорка, миф, ажурное плетение.

Morozov Igor Vyacheslavovich, Minsk, Belarus

A INTRO CULTURAL DIALOG, OR HOW LONG THE ROPE CURL

Keywords: intercultural, introcultural dialog, patter, myth, tracery sing.

Естественная повседневная проблема хранения-передачи важных сведений составляет априори важнейший атрибут культурогенеза, фактор и залог коммуникации однокультурных поколений, или, можно сказать, интрокультурного диалога. Исходно это были сведения, позволяющие не заблудиться в пути и благополучно вернуться домой. Отсюда сакрализация человеческого следа, появление письменности и многое другое, что преумножало возможности памяти.

В этом ряду особое место истари заняло «узелковое письмо», которое, очевидно, было в ходу у наших далеких предков, им вплоть до XII века пользовались и монголы, а также карелы, финны. Сущность его составляют не графические знаки, а совершенно особые плетеные символы-узлы. Благодаря достаточной емкости